

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Михаил Демьяненко

**Между Старым порядком,
Просвещением
и национализмом:
к двухсотпятидесятилетию
«Учреждений для управления
губерниями» Екатерины II**

Препринт М-108/25

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2025

УДК 94(47).06
ББК 63.3(2Рос)
Д32

Д32 Демьяненко М. А.

Между Старым порядком, Просвещением и национализмом: к двухсотпятидесятилетию «Учреждений для управления губерниями» Екатерины II / Михаил Демьяненко : Препринт М-108/235. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. — 36 с. — (Серия препринтов; М-108/25; Центр исследований модернизации).

Работа посвящена «Учреждениям для управления губерний» (1775 г.) — одному из самых значимых законодательных актов эпохи Екатерины II. «Учреждения» реформировали сферы администрации и суда, начали формирование государственной системы социальной защиты. Реформа исследуется, исходя из макросоциологической перспективы, высказывается предположение, что она могла быть одним из факторов, способствовавших появлению в России современного национализма.

Информация об авторе: Демьяненко Михаил Алексеевич — аспирант факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге (mdemyanenko@eu.spb.ru).

Вы позволите мне поздравить вас с обнародованием новых законов, перевода которых мы ожидаем с нетерпением, чтобы благословить законодательницу стольких и стольких народов, которые нуждались в столь мудрой и столь просвещенной государыне для прочного установления правил общественного благоденствия. Имя вашего императорского величества станет наряду с именами Ликурга, Солона и Локка с тою разницею, что эти мудрецы трудились для небольших обществ, а благодеяния вашего императорского величества становятся безмерными по обширному пространству провинций, над которыми простирается ваше правление.

Фридрих II — Екатерине II. 18 марта 1776 г. [Екатерина Великая и Фридрих Великий 2022: 302]

Здание нашего законодательства воздвигается потихоньку; его фундамент — «Наказ» для Уложения, который я вам выслала уж десять лет тому назад; вы увидите, что эти «Учреждения» нимало не отступают от [его] принципов, но, напротив, вытекают из них. За этими «Учреждениями» последуют финансовые, коммерческие, полицейские и т. д., которые занимают нас уже десять лет, после чего Уложение будет задачей простой и несложной.

Екатерина II — Вольтеру. 1 октября 1777 г. [Екатерина II и Вольтер 2022: 440]

Введение

В 2025 г., когда я пишу эти строки, исполняется 250 лет с момента обнародования первой части «Учреждений для управления губерниями Всероссийской империи». Опубликованные 7 (18) ноября 1775 г., «Учреждения» стали центральным законодательным актом екатерининского царствования, заложившим прочную основу для развернувшейся в течение последующих пятнадцати лет реформаторской программы. Состоящие из 412 статей, скомпонованных в 28 глав, «Учреждения» создали огромное количество новых административных и судебных органов, резко увеличив присутствие государства в повседневной жизни российских подданных. Опубликованные вслед вторая часть «Учреждений» (4 января 1780 г., добавлено еще три главы, состоящие из 73 статей), «Устав благочиния или полицейский» (1782 г.), «Жалованные грамоты» дворянству и городам (1785 г.), «Устав народным училищам» (1786 г.) и некоторые другие законодательные акты, значительно трансформиро-

вали административные, социальные и экономические реалии Российской империи последней четверти XVIII века.

К сожалению, «Учреждения» можно считать одним из самых недооцененных текстов, когда-либо исходивших от верховной власти в российской истории. В первую очередь это касается степени их изученности. Работы, специально посвященные данной теме, можно в буквальном смысле слова пересчитать по пальцам. В дореволюционной историографии — одна работа [Григорьев 1910], в советской — «полторы» [Готье 1941; Павлова-Сильванская 1964а; Павлова-Сильванская 1964б]¹, в постсоветской — одна [Мигунова 2008].

Соответственно, довольно сложно ответить на автоматически возникающий по поводу любого текста, вышедшего из-под пера Екатерины II, вопрос о степени интертекстуальности «Учреждений». Высказывалось предположение, что значительная часть их норм позаимствована императрицей из права остзейских губерний Российской империи (Эстляндия и Лифляндия) [Зутис 1946]². Отмечалось и влияние английского права в лице новейшего на тот момент (и сохраняющего свой авторитет в качестве источника права до сих пор) трактата Уильяма Блэкстона «Комментарии на английские законы» (1765 г.) [Григорьев 1910; Бабкова 2011; Бабкова 2013; Raeff 1974]. Хотя, учитывая то обстоятельство, что Екатерина II ознакомилась с ним во французском переводе, который отличался купюрами (в частности, были удалены все подстрочные комментарии) [Бабкова 2011: 233] и терминологическими искажениями, то вопрос о трансфере приобретает дополнительную степень исследовательской сложности. В этом отношении «Учреждения» резко контрастируют с «Наказом Уложенной комиссии», разобранным буквально поста-

¹ Работа Ю. В. Готье является вторым томом его дореволюционного труда. Кроме того, историк сосредоточился на процедуре подготовки «Учреждений», а из процесса их имплементации рассмотрел только процесс ликвидации устаревших реформой административных органов. Диссертация М. П. Павловой-Сильванской не была переработана в монографию, получив тиражирование только в виде небольшой статьи в сборнике, посвященном проблемам становления абсолютизма в России.

² Монография Я. Зутиса посвящена взаимоотношениям прибалтийских элит и имперского центра на всем протяжении XVIII века, одним из аспектов которых можно считать сопротивление остзейцев имплементации норм «Учреждений» в Лифляндии и Эстляндии. Соответственно, в отношении истории «Учреждений» работа Зутиса приобретает характер узкорегionalного исследования.

тейно³. Очевидно, что для ликвидации этой лакуны необходим целый ряд специальных исследований.

К рассмотренной выше литературе можно добавить некоторое количество работ разной степени глубины, посвященных отдельным губерниям и инстанциям, созданным «Учреждениями». В региональном аспекте это Новгородская губ. [Jones 1984], Тверская губ. [Середа 2004], Пермская губ. [Хохолов 2003], Прибалтика (Эстляндия, Лифляндия, Курляндия) [Зутис 1946: 382–455], Белоруссия (собственный исследовательский интерес автора этих строк — Могилевская и Полоцкая губернии) [Демьяненко 2023], Воронежская губ. [Шевченко 2010], Белгородчина-Курщина (Белгородская губерния реформой 1775 г. была упразднена) [Пенская, Пенской 2010], Калужская губерния [Абрамов, Исаев 2008]. Калужская же, а также Ярославская, Владимирская и Московская губернии были рассмотрены в работе А. В. Белова, но в специфическом ракурсе, затрагивающем только урбанизационный аспект «Учреждений» [Белов 2019]. Преимущественно на уровне анализа административно-территориального деления и комплектования административных и судебных органов была рассмотрена Сибирь [Акишин 2003: 301–381]. Отдельно следует выделить работы, посвященные только судебной системе. Судопроизводство в Западной Сибири, Урале, Поволжье и Казахской степи было охарактеризовано в работе В. А. Воропанова [Воропанов 2016]. Алисе Плате в своей диссертации сосредоточилась на деятельности сословных судов для крестьянства на Урале [Плате 2019]. Можно также отметить интерес к деятельности созданных «Учреждениями» сословных судов [Шандра 2011].

Соответственно, учитывая сравнительно малую степень разработанности темы, в обобщающих работах главы, посвященные «Учреждениям», отличаются некоторой лапидарностью [Писарькова 2007: 402–480; Мадариага 2002: 439–463] и, к сожалению, зачастую не свободны от ошибок⁴. Между тем масштаб изменений, запущенных «Учреждениями»,

³ Сохраняет свое значение дореволюционная работа Чечулина [Чечулин 1902].

⁴ В частности, вызывает глубокое удивление то, что один из ведущих российских специалистов по эпохе Екатерины II А. Б. Каменский путает полномочия генерал-губернатора (наместника) и подчиненного ему губернатора, эксплицитно разведенные в тексте «Учреждений». Учитывая то, что эта ошибка была повторена три раза: оставшись не устраненной в последовавших в 2001 и 2019 гг. переизданиях его классической монографии 1999 г. [Каменский 2019: 492], а также без изменений скопированной в текст коллективной монографии о российском реформаторстве [Каменский 2016: 246], можно только констатировать полное отсутствие

очевиден. Так, еще в 1984 г. американский историк Джон ЛеДонн отмечал, что именно «в 1770-е [годы] сложная комбинация петровских и московских институций прекратила свое существование» [LeDonne 1984: VIII]. Прямо называя период 1770–1780-х гг. «великими реформами», он подробно обосновывал два тезиса: 1) по сложности задуманного и по масштабу реализованного реформы этого периода не уступают аналогичным, но значительно более известным и, соответственно, исследованным предприятиям эпохи Александра II; 2) система управления Московского царства отнюдь не была уничтожена Петром I, а продолжала свое существование вплоть до Екатерины II. Однако подобная оценка екатерининских реформ не то что не попала в поле зрения авторов, писавших о российской истории в перспективе *longue durée*, но даже по большому счету не вышла за пределы узкого сообщества «екатериноведов». Что уж говорить о широких слоях образованной публики — для нее екатерининское царствование до сих пор остается клишированным черно-белым набором из победоносных войн и разгула фаворитизма, а не периодом феноменально успешного внутривластного курса.

Складывается парадоксальная ситуация. Реформы Петра I в области администрации и суда, практически единодушно охарактеризованные современными исследователями как полностью провалившиеся, изучены досконально⁵; а «Учреждения», отдельные аспекты которых сохранили свое действие вплоть до революционных событий 1917 г., — нет. Чем можно объяснить подобное? В первую очередь внутренними механизмами функционирования историографии, выработавшей определенную манеру работы с документами и подверженной колебаниям исследовательской моды.

Недоразумения начинаются здесь с самого названия законодательного акта. Правильное — «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Однако очень часто можно встретить восходящую, по всей видимости, к В. О. Ключевскому ошибку — «Учреждение для управления губерний» (79-я лекция «Курса русской истории») [Ключев-

исследовательского сообщества по проблеме, которое могло бы быть заинтересовано в устранении мелких недочетов в работах коллег.

⁵ В целях экономии места сошлюсь только на классические исследования Е. В. Анисимова, Д. А. Редина и Д. О. Серова [Анисимов 1997; Редин 2007; Серов 2009] и на новейшее издание, сосредоточенное на использовании иностранного опыта в петровских административных преобразованиях [Административные реформы Петра I 2024].

ский 1989: 105–106]. Мой упрек патриарху отечественной русистики в указании единственного числа вместо множественного не является примером источниковедческого педантизма — дело в том, что это радикально меняет саму перспективу, в которой мы смотрим на документ. Как указывал классик «истории понятий» Райнхарт Коззелек, период между 1750 и 1850 гг. является «временным водоразделом» в истории того социально-политического словаря, которым мы пользуемся и по сей день. Одной из ключевых трансформаций этого периода было появление собирательных понятий:

Стоящие в единственном числе, но обозначающие множества: на место конкретных «историй» приходит «история вообще»; на место отдельных успехов и достижений в конкретных областях приходит «прогресс как таковой»; на место «свобод» как сословных привилегий приходит одна общая для всех «свобода», которую с тех пор приходится определять все новыми и новыми эпитетами («социальная», «экономическая», «христианская» в старом и новом значении, «политическая» и так далее), чтобы получить конкретный смысл [Коззелек 2014: 30].

Соответственно, неотрефлексированное использование собирательного понятия для описания раннемодерных реалий в большинстве случаев приводит к искажениям исследовательской оптики. Это касается и обсуждаемой здесь темы. Полностью принадлежащие законотворческой манере эпохи *Ancien Régime* «Учреждения» являлись именно тем, чем они были по названию, — набором из множества законодательных норм, относящихся к разным уровням управления и областям права. В несколько механической манере собранные в один текст, имеющие множество очевидных самому их коронованному автору лакунов⁶, «Учреждения» приобретут законченный вид только с публикацией множества других законодательных актов за последующие пятнадцать лет. Изначально не имеет смысла допускать анахронизм и смотреть на «Учреждения» как на «Учреждение» — то есть как на некоторый когерентный и законченный текст (а затем удивляться его мнимой «непоследовательности», «неполноте» и «противоречивости»), подобный екатерининским же «Наказу Уложенной

⁶ «Что Екатерина не считала свою работу законченной, видно из ее записки, объявленной в Сенате Генерал-Прокурором вместе с “Учреждением (sic! — М. Д.) о губерниях 9 ноября 1775 г.”. К сим учреждениям, читаем в записке, еще не дописаны: порядок производства уголовного суда, устав казенной палаты, наказ экономии директору» [Григорьев 1910: 203].

комиссии» или «Жалованным грамотам», написанным в других жанрах (морально-политический трактат и узкоспециализированные законодательные акты соответственно). Зато, рассмотренные в совокупности всего законодательного массива екатерининского царствования, «Учреждения» приобретают вид — ни много ни мало — *составной части раннемодерной Конституции России*. Именно в подобной перспективе смотрел Дэвид Гриффитс, посвятивший специальное исследование социальному законодательству эпохи:

[Жалованные грамоты дворянству и городам] вполне можно рассматривать как ответвление и расширение [«Учреждений»]⁷ <...> Мы не ошибемся, если назовем Грамоты существенными компонентами конституции, если использовать этот термин так, как он понимался в эпоху до революций <...> основное значение слова «конституция» подразумевало и до сих пор подразумевает всего лишь способ, каким что-то учреждено, организовано или устроено. В политическом словаре предреволюционной Европы это слово выражало принципы, непрременные законы и институты, которые обеспечивали упорядоченное управление [Гриффитс 2013а: 200, 222].

Однако столь вдохновляющие и многообещающие наработки не были развернуты зарубежной историографией в серию исследований. Сменилась историографическая мода, сместившись, по меткому выражению Альфреда Рибера, «от реформ к империи» [Rieber 2001]. Теперь внимание исследователей более занимала проблематика имперского «управления различиями» — в первую очередь национальными, что вынуждало обратиться к XIX веку, скорее игнорируя век XVIII. В итоге Нэнси Коллманн в своей новейшей обобщающей монографии по истории раннемодерной России была вынуждена опираться преимущественно на работы вышеупомянутого Джона ЛеДонна, в основной своей массе написанные еще до периода «архивной революции» [Коллманн 2023: 491–524].

Как мне представляется, именно вышеупомянутым отличительным особенностям «Учреждений» как законодательного акта — некогерент-

⁷ Этот, скорее, умозрительный на момент написания тезис Гриффитса был подтвержден в имеющей преимущественно источниковедческую направленность работе О. А. Омельченко. Последний показал, что черновой текст того, что позднее станет «Жалованной грамотой дворянству», дописывался императрицей непосредственно как продолжение «Учреждений» [Омельченко 1993: 214].

ного текста, запускающего масштабные единовременные изменения в самых разных областях, — мы обязаны и тем, что в историографии за чуть более чем сто лет (не очень активных) исследований так и не закрепилось какого-то четкого названия, которое позволило бы точно зафиксировать суть намеченного к реализации Екатериной II в 1775 г. Наиболее распространенное название реформы, стартовавшей с публикацией «Учреждений», — «губернская» — отсылает только к одному ее аспекту, а именно к изменению административно-территориального деления (далее — АТД). Другое название, описывающее тот же самый аспект изменений в АТД, — «областная» [Готье 1941; Павлова-Сильванская 1964а; Павлова-Сильванская 1964б] — неверно с источниковедческой точки зрения. Как будет показано далее, «область» в терминологии текста «Учреждений» и последующих законодательных актов обладала вполне конкретным и отличным от обыденного смыслом. Только один из аспектов реформы оказался схвачен в подзаголовке классической дореволюционной работы Григорьева — «реформа местного управления». Ведь, как показал сам автор, он с необходимостью потянул за собой изменения и в центральном управлении [Григорьев 1910]. Точно так же только частично указывает на всю совокупность изменений термин «реформа города» [Белов 2019]. Вариант, предложенный современным юристом Т. Л. Мигуновой, — «административно-судебная реформа» — в этом отношении не лучше [Мигунова 2008].

Таким образом, очевидно, что «материал сопротивляется» и необходим несколько другой подход. Предложенный мной далее анализ опирается, скорее, на историко-социологическое видение проблемы. Я исхожу из представления, что «Учреждения» являлись точкой пересечения нескольких макротрендов, относящихся к разным слоям исторической реальности, обладавшей разной внутренней логикой и разной темпоральностью. От трендов сугубо административных и правовых, рассматривая которые всегда нужно помнить очень точное методологическое замечание Марка Раева: «...хитросплетение административной истории с трудом поддается расчленению на обособленные друг от друга, четко обозначенные периоды: на ткани этой истории нет швов, и конкретные модели возникают как результаты имманентной динамики задолго до этого поставленных целей и средств для их достижения» [Раев 2000: 73], — до трендов социальных и идеологических, которые в чрезвычайно динамичном для России XVIII веке могли смениться до нескольких раз за поколение. Иногда анализ этих трендов, составными частями которых и стали отдельные нормы «Учреждений», потребует довольно

длинной предыстории, а иногда будет необходимо, наоборот, продвигаться по шкале времени вперед — в XIX век и даже в современность. Я выделяю три таких магистральных тренда, состоящих из множества отдельных более мелких аспектов:

Тренд I. Рост инфраструктурной власти: изменение АДД; «административная урбанизация»; количественный рост управленческого аппарата.

Тренд II. Становление дисциплинарной власти: зарождение системы социального обеспечения и начального образования.

Тренд III. Начало трансформации символической власти: появление (прото)национализма как непреднамеренное последствие символических аспектов введения в действие «Учреждений».

Тренд I. Рост инфраструктурной власти в Российской империи

Система управления

Ранее я уже касался вопроса о степени развития инфраструктурной власти в Российской империи «долгого XVIII века» [Демьяненко 2024]. Напомню, что под «инфраструктурной властью» понимается степень организации управленческого аппарата, позволяющего элитам обеспечивать реализацию принятых ими решений на всей подконтрольной территории.

Даже самый беглый взгляд на систему управления, сложившуюся в постпетровской России, показывает крайнюю слабость имперской инфраструктурной власти. Начнем с административно-территориального деления (далее — АДД). К 1775 г. Россия делилась на двадцать губерний во главе с губернаторами. Губернии делились на провинции, те, в свою очередь, на уезды; возглавлялись они провинциальным и уездным воеводой соответственно. Трехступенчатая система АДД была крайне несбалансированной в структурном отношении: территориально огромные Московская и Санкт-Петербургская губернии соседствовали с небольшими прибалтийскими. Суд не был отделен от администрации — губернаторские и воеводские канцелярии обладали всей полнотой власти на подведомственной им территории. Однако отнюдь не стоит представлять постпетровскую Россию как пространство единой государственной юрисдикции.

Во-первых, существовали территории с отдельным правовым статусом, где судопроизводство велось по местному законодательству. К ним относилась отвоеванная Петром I Прибалтика, где сохранилось действие шведского законодательства. По шведскому праву же функционировала Выборгская губерния, присоединенная к империи при Елизавете Петровне (Абоский мир, 1743 г.). Для бывших шведских территорий была создана отдельная апелляционная инстанция — Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел. Отдельным правовым статусом обладала также Украина, которая на протяжении первой половины XVIII века в зависимости от изменения степени своей автономии подчинялась то гетману, то Малороссийской коллегии.

Во-вторых, внутри территорий, которые должны были бы функционировать в рамках общеимперского законодательства, существовала мощная ведомственная территориальная юрисдикция, выведенная из общегражданской. Так, уральские горные заводы и территории вокруг них подчинялись непосредственно Берг-коллегии, а не губернатору и воеводам. Чиновники горного ведомства были даже символически отделены от прочих на уровне «Табели о рангах», обладая собственной системой горных чинов (названия чинов имели немецкое происхождение — например, бергмейстер), которые были окончательно упразднены только в 1867 г. Первоначально полностью автономные горнозаводские власти начали в середине XVIII века постепенно терять свои полномочия, передавая их общегосударственным органам. До 1739 г. главный административно-судебный орган горнозаводской власти на Урале — Екатеринбургская контора судебных и земских дел — обладал правом таможенного сбора, до 1758 г. ведал рекрутскими наборами. Эта же контора собирала на подведомственных территориях подушную подать [Зубков и др. 2008: 136].

Непосредственно Военной коллегии, а не гражданским властям, подчинялись украинские территории, населенные выходцами из славянских провинций империи Габсбургов — Новая Сербия и Славяносербия (окрестности современных городов Славянска и Бахмута) [Кирпиченко 2007]. Поселения немецких колонистов в Поволжье и других регионах были подведомственны Канцелярии опекунства иностранных, обладающей статусом коллегии [Bartlett 1979]. Собственным автономным правовым статусом обладали и некоторые учреждения, особенно если в них работало много иностранцев: Академия наук, Академия художеств, Московский университет и др.

В-третьих, отдельно существовало гигантское по размерам и чрезвычайно разнообразное в функциональном отношении дворцовое хозяй-

ство. Поселения дворцовых крестьян, обслуживавших нужды императорской фамилии, были подведомственны Главной дворцовой канцелярии [Индова 1964]. Единственные в империи залежи благородных металлов на Алтае (Колывано-Воскресенские заводы) и Забайкалье (Нерчинск) подчинялись Кабинету его/ее императорского величества [Кричевцев 2007]. Необходимо подчеркнуть, что придворное ведомство не следует рассматривать как государственный орган в строгом смысле слова.

Наконец, в-четвертых, не стоит забывать про вотчинную юрисдикцию — помещиков и их крестьян. Помещик обладал практически полной административной и судебной властью над своими крестьянами, кроме дел, касающихся особо тяжких преступлений (убийство, разбой и тому подобное). При этом не нужно думать, что степень «бюрократизированности» управления в вотчинах сильно уступала общегосударственной. Сохранился целый ряд так называемых «помещичьих инструкций» для своих крестьян, в которых чрезвычайно подробно регламентировались все нюансы ведения хозяйства, вплоть до заготовки огурцов и правил учета новорожденных цыплят [Александров 1976: 47–116; Смилянская 1998].

Таким образом, для начала царствования Екатерины II вполне справедлива обобщающая характеристика, данная более полувека назад Пьером Шоню:

Екатерина II была вполне либеральным сувереном дворянской республики. Несмотря на пространственный размах и общую численность населения, государство в России не совпадает с империей. Государство касается в среднем 2 млн душ — чуть меньше, чем в Пруссии. Зачастую оно оказывает вооруженную поддержку десятку тысяч микродержав, подвергшихся народным восстаниям [Шоню 2008: 36].

Что нового привносится «Учреждениями» 1775 года? Их центральная идея — приблизить власть к населению, вне зависимости от социального статуса последнего. Административно-территориальное устройство проектировалось, исходя из сугубо умозрительной идеи об оптимальной для управления численности населения. Высшей единицей АД становилась губерния с населением в 300–400 тыс. душ (то есть налогооблагаемого населения). Губерния разбивалась на уезды с численностью населения в них в 20–30 тыс. душ. Таким образом, существующие «большие» губернии требовалось разукрупнить. Хронологическая динамика этого процесса представлена в таблице.

№	Название губернии	Число уездов	Открыта (дата)
1	Смоленская	12	23.11.1775
2	Тверская	12	26.01.1776
3	Новгородская	10	16.12.1776
4	Калужская	12	28.02.1777
5	Псковская	10	22.02.1778
6	Ярославская	12	22.02.1778
7	Тульская	12	22.02.1778
8	Полоцкая	11	14.07.1778
9	Могилевская	12	17.07.1778
10	Рязанская	12	31.01.1779
11	Владимирская	14	31.01.1779
12	Костромская	15	31.01.1779
13	Орловская	13	27.02.1779
14	Воронежская	15	13.12.1779
15	Тамбовская	13	15.12.1779
16	Нижегородская	13	22.12.1779
17	Курская	15	27.12.1779
18	Санкт-Петербургская	7	28.05.1780
19	Вологодская	12	30.07.1780
20	Харьковская	15	09.12.1780
21	Вятская	13	22.12.1780
22	Симбирская	13	27.12.1780
23	Пензенская	13	31.12.1780
24	Саратовская	9	08.12.1781
25	Пермская	16	18.10.1781
26	Казанская	13	23.12.1781
27	Киевская	11	09.01.1782
28	Черниговская	11	19.01.1782

№	Название губернии	Число уездов	Открыта (дата)
29	Новгород-Северская	10	27.01.1782
30	Уфимская	8	29.04.1782
31	Тобольская	16	30.08.1782
32	Московская	15	05.10.1782
33	Кольванская	5	28.07.1783
34	Рижская	8	29.10.1783
35	Ревельская	5	29.10.1783
36	Иркутская	17	27.12.1783
37	Выборгская	6	21.01.1784
38	Екатеринославская	15	04.07.1784
39	Архангельская	7	10.08.1784
40	Олонецкая	5	17.12.1784
41	Кавказская	10	21.01.1786
42	Таврическая	8	29.01.1781
43	Вознесенская	12	10.05.1795
44	Минская	13	02.10.1795
45	Курляндская	9	28.01.1796
46	Брацлавская	13	20.02.1796
47	Подольская	12	01.05.1796
48	Волынская	13	06.08.1796
49	Виленская	11	Вероятно, не была открыта
50	Слонимская	8	Вероятно, не была открыта
		Всего 572 уезда	

Сост. по [Писарькова 2007: 702–703].

Уже при беглом взгляде на таблицу становится понятна основная механика формирования новой сетки АТД. Первоначально самые крупные и густонаселенные губернии центра и северо-запада России разделялись

на ряд более мелких. Основными регионами-донорами выступили «старые» Санкт-Петербургская и Московская губернии. Поэтому собственно новые «малые» столичные губернии открылись сравнительно поздно. Параллельно с этим происходил процесс переустройства АД имперских окраин — Прибалтики, Украины, Сибири. После 1784 г. процесс синхронизируется с динамикой имперского расширения — Крым (Таврическая губерния), Кавказ, территории бывшей Речи Посполитой после второго и третьего разделов.

В итоге в подавляющем большинстве губерний была установлена двухступенчатая система АД: губерния — уезд. Промежуточная ступень — провинция — упразднилась. Это ставило в тупик многих исследователей, поскольку текстом самих «Учреждений» «провинцию или область» (оба понятия в тексте акта синонимичны) в случае, «если нужна потребует», предполагалось сохранить (ст. 15–16). На практике были на области поделены только девять губерний (Новгородская, Вологодская, Костромская, Пермская, Уфимская, Тобольская, Иркутская, Рижская, Кавказская). Все они делились на две провинции (кроме Иркутской, поделенной на четыре, и Вологодской, поделенной на три). Соответственно, всего двадцать одна провинция. Позднее три из этих провинций были преобразованы в отдельные губернии [Григорьев 1910: 336–337; Акишин 2003: 304]. Таким образом, с одной стороны, термин «область» мог обозначать промежуточную административную единицу чрезмерно обширной (географически) губернии — на практике такое деление сохранилось в Сибири и на Кавказе. С другой стороны, он мог обозначать некую промежуточную временную стадию на пути трансформации губернии старого образца в новую — как это было в случае Колыванской, Олонецкой и других областей. Таким образом, как уже указывалось выше, характеристика реформы 1775 г. в качестве «областной» неверна сугубо с источниковедческой точки зрения.

Другой, часто вызывающий недопонимание компонент АД по реформе 1775 г. может быть охарактеризован в качестве макрорегионального. По «Учреждениям» главным должностным лицом в губернии был генерал-губернатор — он же «государев наместник». Соответственно, губерния также могла именоваться наместничеством — в тексте законодательного акта обе пары терминов используются как синонимичные. На практике Екатерине II не удалось назначить генерал-губернаторов во все губернии (если полагать, что она собиралась это сделать, имеются свидетельства в пользу обратного). Поэтому генерал-губернатор возглавлял две и более губернии одновременно (рекорд в виде четырех

наместничеств принадлежит Г. А. Потемкину). Таким образом, над губернским уровнем, который, согласно тексту «Учреждений», являлся высшим, надстраивался еще один. Однако он являлся сугубо неформальным — губернии свободно перераспределялись между наместниками, которых Екатерина II довольно часто перемещала между разными регионами. Для наместников не требовалось постоянное личное присутствие в губернии или хотя бы в регионе, поэтому их можно охарактеризовать, скорее, как пользующихся личным доверием императрицы делегатов двора, периодически командированных в подчиненные им губернии и обладающих экстраординарными полномочиями. Например, в случае чрезвычайной ситуации — войны, эпидемии, бунта или стихийного бедствия — наместнику подчинялись все находящиеся в губернии воинские части, даже если их начальник превосходил наместника в чине (ст. 89).

После ликвидации Павлом I системы наместничеств как макрорегионального уровня управления будет попытка ее возродить в конце царствования Александра I [Ефимова 2019]. Однако, начиная с Николая I, за термином «генерал-губернаторство» (или «наместничество») окончательно закрепляется смысл региона, изъятого из общего правового пространства империи и требующего некоего особого режима управления — например, Варшавское генерал-губернаторство и Кавказское наместничество. В этом отношении екатерининские макрорегионы — значительно более гибкая конструкция, непохожая на более стабильные генерал-губернаторства/наместничества образца XIX века [Писарькова 2007: 405]. Однако идея о необходимости существования в России макрорегионального уровня управления оказалась довольно устойчивой. Поэтому неудивительно, что одним из немногих случаев, когда о губернской реформе 1775 г. вспоминают в новейшей литературе за пределами сугубо исторических штудий, является обсуждение правового статуса федеральных округов (как известно, вообще не предусмотренных Конституцией России) и назначаемых в них полномочных представителей президента РФ [Власов 2010; Курышов 2023].

Генерал-губернаторам подчинялась следующая административная вертикаль. Главным органом управления в губернии было губернское правление во главе с губернатором, оно отвечало за координацию всей административной деятельности в губернии. Непосредственно ему подчинялись органы исполнительной власти трех типов. В городах без гарнизонов это были городничие, в городах с гарнизонами — коменданты. В уездах — нижние земские суды (несмотря на название, являлись именно органом исполнительной власти). Все эти органы обладали админи-

стративно-полицейскими полномочиями широкого спектра: от ареста и конвоирования преступников до размещения проходящих маршем воинских частей.

Принципиально новым учреждением, также подчиненным губернскому правлению, была казенная палата. «Учреждения» определяли ее как

соединенный Департамент Камер- и Ревизион-Коллегии, которому поручаются в смотрение домостроительные и казенные дела той Губернии, как то ведомости о числе народа, ревизионные сказки, сведение о приходе и расходе, ревизия счетов, соляные дела, винный откуп и подряды, казенные всякие права, казенные и публичные строения и их содержание (ст. 118).

Палата и подчиненные ей уездные казначеи собирали и учитывали налоговые сборы со всего податного населения губернии. Это резко отличало новую систему фиска. Дореформенные губернаторы и воеводы не имели никакого аппарата налогового сбора (за исключением ответственных за продажу монопольных товаров, таких как соль). Сборщики налогов самостоятельно выбирались податным населением, — как правило, это были выборные от посадских общин [Кизеветтер 1903]. После реформы в распоряжении губернских властей оказывается в значительной степени автономный от местного населения фискальный инструмент. Вводится внутренняя специализация фиска по субподразделениям палаты — экспедициям, состав которых мог быть различным в зависимости от хозяйственного профиля губернии. Юрисдикция палаты распространялась на все без исключения податное население губернии — это потребовало от императрицы готовности передать в ее ведение даже собственное дворцовое хозяйство. Теперь помещичьи, дворцовые и государственные крестьяне платили в одну кассу. Единство органов сбора, учета и аудита позволило наладить сбор финансовой статистики, предоставив государственным органам (и позднее историкам) более-менее достоверные данные, разбитые по территориальному принципу [LeDonne 1984: 203–263; Яснопольский 1912: 58–94; Чечулин 1906: 78–88].

Судебная система

Чрезвычайно сложное устройство приобрела система судопроизводства. До реформы суд не был отделен от администрации, губернаторы и воеводы обладали всей полнотой власти на подведомственной им

территории. В ходе работы Уложенной комиссии выяснилось, что жалобы на несовершенство судебной системы — едва ли не единственный общий мотив во всех депутатских наказах, но при этом разные слои населения имели полярные мнения по поводу желаемых направлений ее реформирования.

В особенности расходились интересы населения с разной степенью территориальной локализации — купечества и дворянства. Для дворянства, с одной стороны, основным юридическим объектом являлась недвижимость — земля. С другой стороны, само дворянство (особенно его привилегированная мужская часть) нередко находилось в движении, циркулируя между имениями, местами службы и столицами. Соответственно, для него наиболее желаемой формой судебной системы была та, которая делала упор на сильно формализованную письменную процедуру, позволяющую вести судебный процесс удаленно — через поверенных. Купечество, максимально заинтересованное в скорости вынесения приговора, прямо влияющей на скорость оборота капитала, в случае возникновения какого-либо рода конфликтов, напротив, выступало за преимущественно словесную процедуру [Мигунова 2008: 137–160].

Выход был найден в дифференциации судебной системы. Теперь она делилась на пять ветвей. Первыми тремя были специализированные сословные суды для трех основных групп населения. Для дворян судами первой инстанции были уездные суды, второй — верхние земские суды (по одному на губернию). Для горожан в качестве первой инстанции выступал городской магистрат, второй — губернский магистрат. Для помещичьих крестьян, соответственно, нижняя и верхняя расправы. Эти суды имели смешанный состав — председатели назначались генерал-губернатором или губернатором, но большая часть судебной коллегии («заседатели») избиралась местным населением на сословных собраниях. Суды первой инстанции не имели субподразделений, второй — делились на департаменты гражданских и уголовных дел. Эта специализация получала развитие на высшем судебном уровне губернии — в зависимости от своего профиля дела поступали в палату гражданского суда или палату уголовного суда. Персонал палат не содержал выборных от местного населения, они представляли собой сугубо государственные органы. Апелляцию на решения палат можно было подать в Правительствующий Сенат.

Судебная система для современного наблюдателя выглядит довольно громоздко. Три инстанции, две нижние из которых были дифференцированы по сословному, а две верхние по функциональному признаку.

Если считать Правительствующий Сенат, то инстанций становится четыре, а если прибавлять к ним высшего судью империи, то есть саму императрицу, то и вовсе пять. Однако эта система в глазах самой Екатерины II имела глубоко рациональные основания. Подобное устройство суда выстраивалось в первую очередь для нужд уголовного процесса и в условиях крайнего недоверия ее главного архитектора к институту адвокатуры.

Екатерина II, как и многие просветители, считала адвокатов глубоко аморальными существами, готовыми за плату защищать явных преступников. Не случайно, когда она столкнулась с проблемой осмысления событий Французской революции, то, перебрав и отбросив как неадекватные термины «злодеи» (то есть бунтовщики — как Пугачев) и «фанатики» (типично просветительское ругательство), она остановится именно на «адвокатах» [Гриффитс 2013б]. Однако то, что необходимо как-то институционально обеспечить защиту прав обвиняемых на случай судебной ошибки, императрица вполне понимала. Именно для этого был учрежден такой порядок уголовного производства, в котором дело в обязательном порядке проходило все инстанции, последовательно ревидовавшие решения друг друга и укомплектованные по разному принципу. Современные юристы называют такой порядок ревизионно-решающим [Серов 2009: 404–408]. Как писала сама императрица Вольтеру:

Я убеждена, и я так и постановила, что лучшая и надежнейшая из уголовных процедур — та, которая проводит такого рода дела в установленное время через три инстанции, без чего личная безопасность отдается на произвол страстей, невежества, невольной глупости или горячих голов [Екатерина II и Вольтер 2022: 440].

Вероятно, из присущей эпохе Просвещения любви к симметрии подобный порядок был распространен и на гражданское судопроизводство, но в нем ключевой становилась сумма иска. Перенос дел с исковой суммой меньше 25 рублей из судов первой инстанции во вторую запрещался. Аналогично запрещался перенос дел из второй инстанции в третью при сумме иска меньше 100 рублей. Учитывая то, что гражданское законодательство, в отличие от уголовного, не было унифицировано по всей территории империи, возник неожиданный эффект, обусловленный разным порядком комплектования инстанций. Как показывает мое исследование о судопроизводстве по гражданским искам на территории белорусских губерний, где сохраняло свое действие польско-литовское

право, Правительствующий Сенат был более склонен поддерживать решение судов второй инстанции, укомплектованных в основном по выборам местным населением, чем судов третьей — состоящих из имперских чиновников. Это было обусловлено сугубо юридической логикой, а не политической борьбой за лояльность, — просто качество информации, которую могли предоставить бывшие польские подданные о польско-литовском праве, была выше [Демьяненко 2023]. Таким образом, существование столь сложной системы гражданского судопроизводства в том числе обеспечивало лучшую информационную оснащенность центральных имперских учреждений. Хотя, разумеется, негативной стороной подобной системы были чрезвычайно длительные сроки судебных разбирательств.

Указанные три ветви суда — для дворян, горожан и крестьян — теоретически открывались по всей империи по общим законодательным основаниям. На практике их существование сильно зависело от наличия в регионе соответствующей группы населения. В удаленных от центра регионах сильно чувствовался недостаток дворянства. Для укомплектования всех «дворянских» учреждений по штату не хватило людей в двух уездах Нижегородской губернии, Вятке, Перми, Кольванской губернии — приходилось прибегать к прямым назначениям и/или сокращать количество должностей. В Харьковской губернии, напротив, не хватило купцов. В Ревельской не оказалось необходимого количества свободного сельского населения для открытия положенного по штату количества нижних расправ [Григорьев 1910: 322–345]. Примеры можно умножать.

Осознание региональной специфики империи привело императрицу к созданию еще одного типа специализированных судов — им была посвящена вторая часть «Учреждений», вышедшая в 1780 г. Так называемые низшие и высшие надворные суды становились специализированной судебной инстанцией для чиновников гражданского и придворного ведомств (армия обладала своими судами — кригсрехтами, со времен Петра I). Суды такого типа открывались только в некоторых губерниях, где в должном количестве имелась их «целевая аудитория» — это Московская и Санкт-Петербургская губернии, ключевые центры концентрации имперской администрации. Позднее к ним прибавились Тобольская губ., Кольванская губ., Иркутская и Якутская провинции Иркутской губ., Архангельская губ. Весь состав судов назначался Сенатом, апелляционными инстанциями для них, как и для прочих судов первой и второй инстанций, были палаты гражданского и уголовного суда [Мигунова 2008: 315–322].

Наконец, последним типом судов в губерниях был совестный. В отличие от прочих, он был всесловным (состоял из двух заседателей от дворян, горожан, свободного сельского населения), весь состав суда избирался. В уголовном судопроизводстве он ведал дела лиц с ограниченной дееспособностью — малолетних, невменяемых, глухонемых и так далее. Также в его юрисдикцию попали дела, которые законодатель перевел из разряда уголовных преступлений в «суеверия», — например, дела о колдовстве. Сюда же попадали преступления «против морали и нравственности» — кража церковного имущества, скотоложество и др. В гражданских делах исполнял функции мирового суда, что обусловило его популярность у купцов, заинтересованных в сокращении сроков рассмотрения исков. Главной отличительной особенностью совестного суда было то, что законодатель возложил на него обязанности, аналогичные британскому *Habeas Corpus Act*. Любой заключенный, содержащийся под стражей более трех дней без предъявления обвинения, мог известить совестный суд, и тот, уточнив, что заключенный подозревается «не в оскорблении Особы Императорского Величества, не по измене, не по смертоубийству, не по воровству или разбою» (ст. 401), был обязан потребовать вызвать заключенного к себе в присутствие. Уточнив состав обвинения, совестный суд мог потребовать освободить обвиняемого на поруки.

Оригинальность совестных судов, аналогов которых русская судебная система до этого не знала, заставил исследователей приложить много усилий по установлению возможных путей идейного трансфера. Очевидно, что образцом послужили британские суды, но как именно Екатерина II узнала об их конкретных полномочиях, не до конца ясно. В качестве возможных источников указывались: французский перевод «Комментариев на английские законы» Блэкстона [Raeff 1974]; личное знакомство с их правовой практикой С. Е. Десницкого — профессора права Московского университета, юридического консультанта Екатерины II, проходившего учебу в университете Глазго (в частности, слушал курс по моральной философии у Адама Смита) [Григорьев 1910: 254–255]; статьи по праву в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера [Мадариага 2002: 449]. Так или иначе, совестный суд стал первым судом в российской истории, целенаправленно призванным защищать права личности.

Финансирование органов администрации и суда

Только с Екатерины II, утвердившей в 1763 г. новые штаты гражданской администрации, в российской истории начинается эпоха регуляр-

ной выплаты жалования всем имперским служащим. «Учреждения» 1775 г. эту тенденцию укрепили и продолжили. Все открытые в ходе реформы губернии делились на два разряда. Шесть — Санкт-Петербургская, Ревельская, Рижская, Выборгская, Курляндская, Иркутская — образовывали второй разряд, все остальные — первый. В губерниях второго разряда жалование чиновников было выше. Беспрецедентной для российской истории стороной губернской реформы было назначение жалования даже выборным чиновникам [Григорьев 1910: 332–333]. Впрочем, в этом порядке встречались региональные исключения. Так, калужское дворянство (вероятно, не без давления со стороны губернатора М. Н. Кречетникова) решило принять на свой счет содержание всех выборных служащих от дворянского сословия в губернии [Там же: 347].

По подсчетам Л. Ф. Писарьковой, общая численность административно-судебного аппарата в губерниях была приблизительно 10–11 тыс. коронных чиновников, 11–12 тыс. выборных, 19 тыс. канцелярских служащих, 5–6 тыс. низших служащих (сейчас бы мы назвали их «техническим персоналом») и около 2 тыс. медиков. Учитывая то, что в 1760-е гг. вместе с центральными учреждениями общее число имперских служащих составляло примерно 6,5 тыс. человек, речь идет о шестикратном количественном увеличении имперского аппарата управления [Писарькова 2007: 432–437]. Соответственно, значительно выросли и расходы на его содержание. За двадцатилетний период с 1773 по 1792 г., расходы на содержание администрации и суда выросли с 2,6 (приблизительно 9 % госрасходов) до 8,3 млн рублей (приблизительно 17 %) [Там же: 453–454].

Административная урбанизация

Образование столь большого количества новых административно-территориальных единиц и необходимых для них учреждений запустило в действие процесс, который может быть назван «административной урбанизацией». Город в раннемодерной России исторически был связан исключительно с государством, выполняя роль административного центра для своей сельской округи. В России отсутствовали специализировавшиеся на торговле города «бюргерского» типа, характерные для Германии, или частные города, принадлежавшие крупному дворянству, столь распространенные в Речи Посполитой. В таких условиях рост городской сети, которой в будущем предстояло стать основой торговой и промышленной мощи, лежал исключительно через увеличение численности имперского административного аппарата. Рост инфра-

структурной власти вел к росту власти экономической. Создание новой сетки АТД в ходе губернской реформы требовало соответствующего изменения статуса поселений — городами становились бывшие слободы, деревни и так далее. С урбанизационной точки зрения «нарезка» губерний была произведена исключительно удачно. По утверждению современного географа-урбаниста Г. М. Лаппо, «за исключением Выборга, Новороссийска, Буйнакска и Новочеркаска все прежние губернские и областные центры сохранили свой прежний ранг региональных столиц, выросли и развились в многофункциональные большие города» [Лаппо 2012: 65]. Более мелкие уездные города были более уязвимы, и в ходе преобразований АТД при Павле I и Александре I некоторые из них были «выведены за штат» — отсюда и фразеологизм «заштатный городишко».

Однако «административная урбанизация» имела еще одно измерение — приспособление существующей инфраструктуры под нужды выросшего в размерах административно-судебного аппарата. Не только новые учреждения требовалось где-то разместить, но было необходимо также возвести целый ряд зданий, подчеркивавших статус города как административного центра. По всей империи началась грандиозная стройка, определившая архитектурный облик множества городов Центральной России. Планы составлялись специальными органами и следовали идее «регулярного города» с прямоугольной сеткой улиц. Подробно исследовавший процесс административной урбанизации Калужской, Ярославской, Владимирской и Московской губерний А. В. Белов выделяет следующие типы зданий, которые возводились в рамках того, что он называет «реформой города»: 1) присутственные места; 2) гостиные дворы; 3) капитальные склады для хранения государственного имущества — денежной казны, соли, алкоголя, зерна; 4) объекты культурной инфраструктуры — в первую очередь театры; 5) мосты. Кроме того, в городах — впервые в российской истории — появляются государственные коммунальные службы, то есть полиция и пожарные [Белов 2019]. Они были представлены на территории империи весьма неравномерно, но начало было положено.

Разумеется, возникает вопрос: откуда у империи взялись средства на инфраструктурную модернизацию подобного размаха? К сожалению, в связи с относительно слабой изученностью губернской реформы мы мало что знаем о ее экономической стороне. Однако в качестве одного из самых существенных факторов можно указать секуляризационную реформу 1764 г. По ее результатам «в ведение абсолютистского государ-

ства перешли 8,5 млн десятин земли, свыше 910 тыс. крестьян (душ м[ужского] п[ола].) и более 1,5 млн рублей ежегодного дохода» [Комиссаренко 1990: 121]. «Экономические» (то есть бывшие церковные) крестьяне выполняли работы по возведению новых административных зданий. Пока они производились, многие государственные учреждения размещались в зданиях бывших монастырей. Однако, устранив церковь как одного из конкурентов в борьбе за крестьянскую рабочую силу, государству волей-неволей пришлось взять на себя и ее бывшие обязательства. Именно в ходе губернской реформы российское государство впервые входит в новую для себя область, которую несколько анахронично можно назвать системой социальной защиты.

Тренд II: Становление дисциплинарной власти

Традиционно о различных группах населения, нуждающихся в социальной защите, заботилась церковь. После проведения секуляризации эта сфера деятельности перешла под контроль государства. Согласно «Учреждениям», в каждой губернии создавался новый административный орган — Приказ общественного призрения. В соответствии со статьей 380 к сфере его ответственности относился очень широкий круг учреждений, многие из которых еще только предстояло создать практически на пустом месте:

Приказу Общественного Призрения поручается попечение и надзирание о установлении и прочном основании 1. народных школ, 2. установление и надзирание сиротских домов для призрения и воспитания сирот мужеского и женского пола, оставшихся после родителей без пропитания, 3. установление и надзирание госпиталей или больниц для излечения больных, 4. установление и надзирание богаделен для мужеского и женского пола убогих, увечных и престарелых, кои пропитания не имеют, 5. установление и надзирание особого дома для неизлечимых больных, кои пропитания не имеют, 6. установление и надзирание дома для сумасшедших; 7. установление и надзирание работных домов для обоого пола, 8. установление и надзирание смиренных домов для обоого же пола людей (статья 380).

Приказ не был постоянно действующим учреждением с собственным штатом служащих. Согласно букве закона, его присутствие складывалось из двух заседателей от верхнего земского суда, губернского маги-

страта и верхней расправы, собиравшихся для ежегодной сессии под председательством лично губернатора. Поскольку закон требовал, чтобы это были именно «заседатели», то речь шла о привлечении к работе в новом органе именно выборных от сословий, а не коронных служащих в строгом смысле этого слова. Однако так это было в реальности или нет, учитывая значительную дифференциацию социальных условий в разных регионах империи, — вопрос остается открытым.

Средства приказа складывались из различных источников. 1) При открытии каждой губернии ей выделялось 15 тыс. рублей, которые могли быть положены в банк, и деятельность приказа финансировалась из платежей процентов по вкладу. 2) В пользу приказа передавался денежный залог по апелляциям на решения палат гражданского и уголовного суда в Сенат, в случае если иск не был удовлетворен. 3) Две копейки с каждого рубля пошлин на привозные товары и по одной копейке с рубля налога на товары вывозимые; конфискованные на таможене товары продавались с публичного торга в пользу Приказа. 4) Штраф за срыв договора подряда или поставки с казной составлял 6 % от суммы контракта и передавался в распоряжение Приказа [Мигунова 2008: 234–235]. К этому можно прибавить доходы от публичных аптек, которые Приказ имел право открывать согласно статье 382 «Учреждений». Наконец, Приказ имел право пользоваться средствами «от доброхотных людей к благим установлениям добровольного подаяния, что кому рассудится, и для которого установления кто за благо рассудит назначить, то так и употреблять» (ст. 382). Это была первая в российской истории законодательная регламентация благотворительности [Ульянова 2006].

Как свидетельствуют данные по Центральной России, собранные А. В. Беловым, поступающие от благотворителей суммы были весьма значительны. Так, в Калужской губернии за 1777–1787 гг. на нужды Приказа было пожертвовано 11 186 рублей 79 с половиной копеек, что превышало сумму, полученную за тот же период в виде пеней и штрафов, налагаемых присутственными местами (10 041 рубль 97 с половиной копеек) [Белов 2019: 158]. Наиболее крупными были пожертвования в Московской губернии. В 1779 г. ассессор Афанасий Гончаров пожертвовал 10 тыс. рублей ассигнациями Московскому инвалидному дому [Там же: 391]. Крупнейшим примером такого рода являлся Странноприимный дом графа Шереметева, на который он выделил 2,5 млн рублей [Там же: 414]. Расположенное на Большой Сухаревской площади здание существует до сих пор и используется по прямому назначению — в нем размещается НИИ им. Склифосовского.

Под нужды заведений, подведомственных Приказам, была переоборудована бывшая церковная инфраструктура. На базе упраздненных монастырей организовывались малые народные школы, больницы, психиатрические лечебницы и так далее [Мигунова 2008: 237–238].

Помимо подчиненных Приказу заведений социального профиля, в губерниях массово возводилась инфраструктура пенитенциарного характера, подчиняющаяся Управам благочиния. Управы добавились к административным органам империи в результате введения в действие «Устава благочиния или полицейского» (1782 г.). Подробный анализ деятельности управ выходит за рамки настоящей работы, но достаточно упомянуть, что одни из самых известных тюрем России — «Владимирский централ» и «Бутырка» — были возведены именно в этот период.

Таким образом, в рамках губернской реформы и примыкающих к ней правительственных предприятий, в России впервые была развернута полноценная институционализированная сеть учреждений «дисциплинарной власти» [Фуко 1999] — больниц, тюрем, школ.

Тренд III. Трансформация символической власти?

Наверное, самый неисследованный аспект губернской реформы — символический. Здесь я вступаю скорее в область гипотез, чем фундированного историческими источниками знания.

Первое что необходимо отметить: в ходе губернской реформы, по всей видимости, предпринимались осознанные усилия по конструированию региональной и локальной идентичности. Все губернии разбивались на три полосы по географическому принципу — северную, центральную и южную (что соответствовало дидактическим принципам географии того времени). В соответствии с этим делением регламентировался цвет мундиров для гражданских чиновников каждой губернии. Цвета кафтанов устанавливались унифицированными для каждой полосы: северной — светло-синие; центральной — красные; южной — темно-вишневые. По покрою кафтанов (однобортные или двубортные, с лацканами или без, с прямыми или «косыми» карманами), цвету пуговиц, цвету и материалу воротника, обшлагов и лацканов, цвету камзола, штанов и подкладки кафтана можно было установить принадлежность чиновника к конкретной губернии [Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров 1794 года]. Более того, цвета и фасон гражданских мундиров разрешалось использовать всем

дворянам и дворянкам губернии, что породило такой феномен моды, как «мундирное платье» [Бордэриу 2016: 95–96].

Сюда же можно отнести возникновение городской геральдики. «Учреждения» впервые в российской истории формируют представление о городе как о некоей единой социально-культурной единице, нуждающейся в единых для всего городского населения органах администрации и суда. Это окончательно закрепляется в «Жалованной грамоте городам», которая вводит понятие «общества градского» — город как некое единство получает права юридического лица. Этот тренд поддерживается и изменениями в символьном ряду. Территориальная геральдика в России XVIII века, как и многое другое в этом периоде, получила свое первоначальное развитие в рамках армейских институтов. После перехода к системе подушной подати армию первоначально предполагалось разместить на постоянные места дислокации внутри губерний. Соответственно местам предполагаемого размещения и/или формирования сложилась устойчивая практика именованя полков по городам — Тамбовский, Белгородский, Санкт-Петербургский и так далее. Для элементов воинской амуниции полков в рамках Военной коллегии разрабатывалась соответствующая символика, которая таким образом приобретала территориальный характер. Герольдмейстерская контора при Сенате, вопреки своему названию, разработкой гербов практически не занималась — ее основной сферой деятельности был учет пригодных к службе дворян (то есть сфера компетенции бывшего Разрядного приказа) [Соболева 1981: 46–59]. При этом западноевропейские геральдические правила Военной коллегией соблюдались не слишком строго — в ее распоряжении просто не было соответствующих специалистов. В ходе губернской реформы, с ее массовым созданием новых городов, территориальная геральдика перешла в ведение гражданских ведомств и получила новый смысл:

Если в результате [губернской] реформы городской герб символизировал город как самостоятельную, отличную от деревни административную единицу, то Городовое положение [1785 г.] предоставило ему право отражать единство градского общества и создание органов, которые управляли этим обществом. Таким образом, городской герб окончательно превращается в символ города в том самом смысле, в каком он воспринимался западноевропейским обществом [Там же: 98].

Таким образом, одним из символических векторов была партикуляризация идентичности — придание ей регионального (губернского) и локального (город/уезд) масштаба, а также ее визуальная фиксация.

Однако побочным эффектом губернской реформы могло быть также возникновение протонациональных форм идентичности.

Как известно со времен пионерского исследования Моны Озуф «Революционный праздник: 1789–1799» [Озуф 2003], ритуализованное пространство праздника является одним из основных механизмов конструирования современного мироощущения. Губернская реформа сопровождалась массовыми праздничными мероприятиями, причем важно отметить, что это были праздники сугубо «гражданского» свойства. Если до этого основные поводы для празднеств предоставлялись религией, событиями внутри правящей династии (свадьбы, рождения детей, дни рождения и тезоименитства правящих особ) или успешными внешнеполитическими акциями (выигранные войны), то теперь, пожалуй впервые в российской истории, массово отмечалось введение в действие законодательного акта, причем акта всеобщего и не делавшего религиозных различий.

Помимо собственно празднеств, важно их отражение в средствах массовой печати. Как отмечал классик теории национализма Бенедикт Андерсон, именно специфические типы печатной продукции создают новый тип воображаемого сообщества — нацию:

...мы рассмотрим базисную структуру двух форм воображения, впервые расцветших в Европе в XVIII в., а именно: романа и газеты. Ведь именно эти формы дали технические средства для «репрезентирования» того вида воображаемого сообщества, которым является нация <...> газета есть всего лишь «крайняя форма» книги — книга, продаваемая в широчайших масштабах, но имеющая эфемерную популярность. Нельзя ли сказать о газетах так: бестселлеры-однодневки? Устаревание газеты на следующий же день после выпуска — курьезно, что одному из первых товаров массового производства предстояло в такой степени предвосхитить закономерное устаревание современных товаров длительного пользования, — создает тем не менее (и именно по этой самой причине) одну из ряда вон выходящую массовую церемонию: почти идеально одновременное потребление («воображение») газеты-как-беллетристики. Мы знаем, что те или иные утренние и вечерние выпуски будут потребляться главным образом между таким-то и таким-то часом и только в этот день, а не в другой. (Сравните с сахаром, потребление которого протекает в неотмеряемом часами непрерывном потоке; его могут потреблять неправильно, но никогда не могут употребить не вовремя.) Эта массовая церемония — а еще Гегель заметил, что газеты заменяют современному человеку утренние молитвы, — имеет парадоксальную значимость. Она совершается в молчаливой приватности, в тихой берлоге черепа. Тем не менее каждый, кто к ней причастен, прекрасно знает, что цере-

мония, которую он выполняет, дублируется одновременно тысячами (или миллионами) других людей, в чьем существовании он уверен, хотя не имеет ни малейшего представления об их идентичности. Кроме того, эта церемония непрерывно повторяется с интервалом в день или полдня в потоке календарного времени. Можно ли представить себе более живой образ секулярного, исторически отмеряемого часами воображаемого сообщества? [Андерсон 2016: 73, 86–87].

В две имперские газеты — «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» — попадало множество материалов, связанных с губернской реформой: торжественные отчеты генерал-губернаторов об «открытии» наместничеств; проповеди священников разных конфессий, сказанные по этому поводу; новости о различного рода «актах верноподданнической верности», произведенных в атмосфере праздника, — вроде вышеупомянутого решения калужского дворянства содержать выборных должностных лиц за свой счет. Учитывая довольно плотную временную динамику открытия основной части новых губерний, читатель «Ведомостей» практически десятилетие жил в атмосфере праздника — пусть происходящего не непосредственно с ним, но производящего новый образ пространства и населяющего это пространство сообщества.

Кроме того, только на базе инфраструктуры, развернутой в ходе губернской реформы, было возможно осуществление указа «О вольных типографиях» (1782 г.), приравнивающих их к фабрикам и передающих под контроль управ благочиния. Можно выдвинуть предположение, что именно в ходе губернской реформы рождался новый тип и потребителя, и производителя печатной продукции. Однако, разумеется, эта гипотеза, как и многое другое, связанное с губернской реформой, нуждается в проверке дальнейшими исследованиями.

Заключение

Я вынес в заголовок данной работы три термина: Старый порядок, Просвещение, национализм. «Учреждения для управления губерний» находятся между ними не только и не столько в хронологическом смысле, сколько содержательно.

Как я попытался показать, часть мер, проводимых в ходе губернской реформы, была явно вдохновлена духом Просвещения — это в первую очередь касается механистического подхода к формированию админи-

стративно-территориального устройства империи. Вместе с тем создаваемые в этих новых «геометризованных» губерниях учреждения, особенно формирующиеся из числа выборных от местного населения, скорее соответствовали идеалам политической теории абсолютистских режимов: управление должно осуществляться через посредничество четко юридически оформленных социальных корпораций, стратифицированных по статусному принципу.

Подобная конструкция была как эффектом эклектичности теоретической базы «Учреждений» — от французских энциклопедистов до германских камералистов, — так и ходом всей социально-политической жизни второй половины XVIII века. Можно только согласиться с мнением одного из первых исследователей «Учреждений» В. Григорьева:

Почитательницу Монтескье и Блэкстона выдает учреждение известного суда как средства оградить личную безопасность гражданина. Екатерина, узнавшая из депутатских наказов и речей, «с кем дело имеем и о ком печься должно», сказывается в передаче большинства должностей по местному управлению в руки сословий. Екатерина — практик, правительница, страдавшая от хаоса провинциальной администрации и казнокрадства, создала стройную систему учреждений, ведавших каждое свое дело, и в особенности с мелочною заботливостью постаравшаяся обеспечить целость и сохранность казенных денег. Разнообразие задач, которые ставились новому закону, многочисленность источников, откуда черпались его постановления, сложность интересов, которые он должен был примирить, — все это отразилось на его тексте. Он вышел с повторениями, пробелами, с излишними отступлениями, полный всевозможных недостатков. Но руководящая цель его была ясна, пути, им намеченные, были верны, и реформа оказалась жизнеспособной [Григорьев 1910: 306–307].

Гибкость подхода к формированию новых административных и судебных учреждений, а также символический компонент реформы с его приматом локальной идентичности не позволяют мне согласиться с мнением А. Б. Каменского, утверждавшего, что «фактически “Учреждениями” был реализован проповедовавшийся Екатериной принцип унификации управления на всей территории империи, что явилось и прямым развитием положений губернской реформы Петра I. Екатерине удалось сделать то, что в том же XVIII столетии не сумел осуществить, например, в Австрии Иосиф II. Именно с того времени Российская империя окончательно стала унитарным государством» [Каменский 2019: 495]. Ни одно государство XVIII века не могло приблизиться к со-

стоянию унитарного просто в силу сравнительной (по современным меркам) слабости своей инфраструктурной власти — особенно это справедливо в случае хронически «недоуправляемой» Российской империи. «Учреждения» отнюдь не устранили, да и не стремились устранить, структуру различий, характерных для гетерогенных политий имперского типа, к каким, несомненно, относилась Россия «долгого XVIII века». Однако эта полития, безусловно, стала более управляемой, чем была до реформы.

Наконец, разумеется, нуждаются в дополнительных исследованиях незапланированные эффекты губернской реформы. Я гипотетически отнес к таковым возникновение протонациональных структур воображения. Очевидно, что здесь — как и в случае реформы в целом — необходимы дополнительные исследования. Празднуемый в этом году юбилей «Учреждений» — хороший повод такие исследования начать.

Литература

Исторические источники

Екатерина II и Вольтер. Переписка / пер. и сост. А. И. Любжина. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Университет Дмитрия Пожарского, 2022.

Екатерина Великая и Фридрих Великий. Переписка 1744–1781. Откровенно и конфиденциально / авт.-сост. Т. Абрамзон. М.: Бослен, 2022.

Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров 1794 года. СПб., 1794.

Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 20. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 229–304.

Исследования

Абрамов Д. А., Исаев А. П. Управление Калужским наместничеством в последней четверти XVIII века. СПб.: Северо-Западная академия государственной службы, 2008.

Административные реформы Петра I. Проектирование, западноевропейское влияние и сохранение особого пути / под науч. ред. Е. В. Анисимова, А. А. Белых, Д. Е. Раскова. М.: Изд. дом «Дело» РАНХИГС, 2024.

Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003.

Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М.: Наука, 1976.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.

Бабкова Г. О. Проект «Уголовного уложения» Екатерины II и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстона. Проблема трансфера // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.) / под ред. М. Г. Муравьевой. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 229–245.

Бабкова Г. О. Реформы Екатерины II в области уголовного права в сравнительной перспективе: проект «Уголовного уложения» и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстоуна // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб.: Издательство во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 270–289.

Белов А. В. Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019.

Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Власов В. И. О должности генерал-губернатора в Российской Федерации (к 10-летию учреждения федеральных округов) // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 8. С. 11–13.

Воропанов В. А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М.: Юрлитинформ, 2016.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2: Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. М.: Изд-во АН СССР, 1941.

Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб.: Русская скоропечатня, 1910.

Гриффитс Д. Жалованные грамоты Екатерины II дворянству и городам 1785 года: о сословиях, грамотах и конституциях // *Гриффитс Д.* Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013а. С. 190–250.

Гриффитс Д. Злодеи, фанатики, адвокаты: взгляды Екатерины II на Французскую революцию // *Гриффитс Д.* Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013б. С. 119–150.

Демьяненко М. А. Имперская администрация и местное право в эпоху Екатерины II (на материале Белорусских губерний), 1772–1792 гг. Научный доклад об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации). СПб., 2023.

Демьяненко М. А. Статусно-ориентированное поведение и рост инфраструктурной власти в империи Романовых «долгого XVIII века». Препринт М-105/24. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024.

Ефимова В. В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.

Зубков К. И., Корепанов Н. С., Побережников И. В., Тулисов Е. С. Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX века: Уральское горное управление. М.: Наука, 2008.

Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига: Книгоиздательство и тип. № 2 ВАП, 1946.

Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М.: Наука, 1964.

Каменский А. Б. Реформы Екатерины Великой // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 2. XVIII — первая половина XIX в. / под ред. А. Б. Каменского. М.: РОССПЭН, 2016. С. 165–283.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. СПб.: Наука, 2019.

Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия. М.: Университетская типография, 1903.

Киртиченко А. И. Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб.: Нестор, 2007.

Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5 / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989.

Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 23–44.

Коллманн Н. Ш. Россия и ее империя. 1450–1801. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023.

Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М.: Изд-во Всесоюзного заочного политехнического института, 1990.

Кричивцев М. В. Императорский кабинет: ведомство личной канцелярии российского монарха, 1741–1801. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2007.

Курьшов В. В. Сравнение статуса генерал-губернатора и полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе // Новый юридический вестник. 2023. № 1 (40). С. 3–6.

Ланно Г. М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012.

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Мигунова Т. Л. «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия...». Административно-судебная реформа Екатерины II. М.: NOTA BENE, 2008.

Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993.

Павлова-Сильванская М. П. «Учреждение о губерниях» 1775 г. и его классовая сущность: дисс. ... канд. истор. наук. М., 1964а.

Павлова-Сильванская М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сборник статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза / под ред. Н. М. Дружинина. М: Наука, 1964б. С. 460–491.

Пенская Т. М., Пенской В. В. Очерки истории Белгородчины в XVIII в. Белгород: Политерра, 2010.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007.

Плате А. Проведение судебной реформы Екатерины II на Среднем Урале: деятельность верхних и нижних расправ в 1780–1790-е гг.: дисс. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2019.

Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: антология. Самара: Самарский университет, 2000. С. 48–79.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург: Волот, 2007.

Середа Н. В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009.

Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII века: Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках». М.: Наука, 1998.

Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1981.

Ульянова Г. Н. Благодетельность в Российской империи. Конец XVIII — начало XX века: дисс. ... д-ра истор. наук. М., 2006.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Хохолов Д. Е. Управление Пермским наместничеством 1780–1796 гг.: дисс. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2003.

Чечулин Н. Д. Об источниках «Наказа» // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1902 (апрель). С. 279–320.

Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб.: Сенатская типография, 1906.

Шандра В. С. Совісні суди в Україні (остання чверть XVIII — середина XIX ст.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2011.

Шевченко Е. А. Воронежское наместничество (1779–1796 гг.): система управления. Воронеж: Истоки, 2010.

Шоню П. Цивилизация классической Европы. М.; Екатеринбург: АСТ; У-Фактория, 2008.

Яснопольский Л. Н. Очерки русского бюджетного права: Исторический обзор составления наших государственных росписей и бюджетная реформа Татищиной. М.: В. П. Рябушинский, 1912.

Bartlett R. P. Human capital The settlement of foreigners in Russia, 1762–1804. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Jones R. E. Provincial Development in Russia: Catherine II and Jacob Sivers. New Brunswick: Rutgers University Press, 1984.

LeDonne J. P. Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism. 1762–1796. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Raëff M. The Empress and the Vinerian professor: Catherine II's project of government reform and Blackstone's commentaries // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1974. Vol. II. P. 18–41.

Rieber A. From Reform to Empire: Russia's "New" Political History // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. No. 2. P. 261–268.

Михаил Алексеевич Демьяненко

**Между Старым порядком, Просвещением и национализмом:
к двухотпятидесятилетию «Учреждений для управления
губерниями» Екатерины II**

Препринт М-108/25

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eupress.ru

Подписано в печать 24.05.2025.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.